

дикативность, ибо без последней не может осуществляться главная базовая функция языка — коммуникативная. Выделение же таких содержательных единиц, как значение слова, сема и т. п., соотносимо с другой базовой функцией — когнитивной, и поэтому они входят в арсенал системы языка.

Таким образом, идея соотношения общих содержательных единиц (компонентов) в сфере речи и в сфере языка может быть принята. Однако, хотя мы и воспользовались терминологией А. В. Бондарко, она нас все-таки не удовлетворяет. Мы допускаем использование термина «ситуация» с определениями «денотативная» и даже — «сигнификативная», когда речь идет о семантической стороне. Однако «категориальная ситуация» является, по нашему мнению, не очень удачным словосочетанием из-за второго слова, которое соотносится с фактами внеязыковой действительности в своем нетерминологическом, обыденном значении, да и в более узком употреблении (ср., например, «ситуация речевого акта»). А. В. Бондарко сам отмечает, что для того фрагмента содержательной стороны высказывания, который именуется «аспектуальной ситуацией», был использован термин «тип аспектуального контекста» (с. 192), и очень хочется пожелать автору либо вернуться к этому термину, либо подобрать какой-либо другой (например, «категориальный смысл высказывания», «аспектуальный смысл» и т. п.). Следует обратить внимание, что термин «ситуация» в употреблении автора превращается в синоним терминов «смысл» и «значение», например, когда говорится, что в высказывании *Сколько дорог!* наличествуют квантитативная и экзистенциальная ситуации (с. 195), а в высказывании *Сюда кладите!* — императивная и локативная. Конечно, выделенные и описанные явления имеют категориальный статус, но термин для их обозначения нуждается в дополнительном обдумывании.

Терминологическая практика показывает, что широким научным кругам легче привыкнуть к новому термину, чем к новому значению старого, особенно, если последний имеет опору в обыденном употреблении [4].

Можно было бы спросить рецензента, почему для полемики был выбран терминологический вопрос, но для полемики по кардинальным проблемам, поднятым в книге А. В. Бондарко, надо было написать книгу не меньшего объема, ибо широким, глубоким и сложным является ее предмет. В заключение отметим, что, как и предыдущие работы автора, данная монография имеет большое значение для разработки проблем общего языкознания, и, главное, одной из кардинальных проблем — соотношения языка и мышления. В этом разностороннем труде читатель найдет много интересного материала в области как русской, так и общей аспектиологии. Кроме этого, книга А. В. Бондарко представляет собой существенный шаг в обосновании принципов функциональной грамматики.

Слюсарева Н. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tense — aspect: between semantics and pragmatics. Ed. by Hopper P. Amsterdam, 1982.
2. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
3. Бондарко А. В. Принципы сопоставительного исследования аспектуальных отношений. — Acta linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1979, t. 29 (3—4).
4. Бондарко А. В. Аспектуальные ситуации и вопрос о «категориальных ситуациях» в грамматике. — В кн.: Семантика аспектуальности в русском языке. Тарту, 1982.

Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. — М.: Наука, 1983. 261 с.

В новой книге Р. А. Будагова, непосредственно связанной со всеми предшествующими широко известными публикациями автора, поднимаются такие «вечно актуальные» вопросы, как взаимосвязь языка и реальности, языка и мышления, в том числе в их развитии, общественная природа языка и др. Книга тщательно документирована, развиваемые в ней положения обосновываются автором на материале разных языков, в первую очередь русского, романских, германских.

Монография состоит из шести глав: (I) Что такое реальность и антиреальность языка? (II) Историческая концепция языка, мышления и реальности. (III) Грамматика и реальность. (IV) Категория времени в грамматике, в тексте и в реальности. (V) Слово и контекст в их отношениях к реальности. (VI)

Место советского языкознания в современной лингвистике. Последняя глава содержит следующие разделы: 1. Постановка вопроса. 2. Два диаметрально противоположных истолкования природы языка. 3. Материалисты и идеалисты. 4. Категория значения и категория отношения. 5. Статика и динамика языка. 6. Литературные и национальные языки. 7. Язык и общество, язык и мышление. 8. Советское и зарубежное языкознание. Итоги исследования представлены в резюме, завершающих главы, и в кратких «Заключительных замечаниях».

Р. А. Будагов начинает книгу с уточнения понятия «пограничной полосы» между языком и реальностью. Он пишет о том, что эта «пограничная полоса» может оказаться «сложной, многоярусной, не прямой», но она всегда реальна

и стюды не может считаться «зыбой» (с. 3). Ее изучение предполагает глубокое осмысление реальных основ языка и его подлинной специфики. При этом следует помнить о том, что «реальность языка и специфика языка — не враги, а верные и постоянные союзники» (с. 4).

Вопрос о связи языка и реальности относится к числу сложных языковедческих и философских проблем. Р. А. Будагов анализирует под этим углом зрения различные суждения по данному вопросу. Он дает оценку сильным и слабым сторонам концепции младограмматиков, показывает ложность тезисов, которые развивали в своих трудах бывшие глава американской школы лингвистов Л. Блумфилд, глава лондонской лингвистической школы Р. Ферс и другие, вскрывает противоречивость суждений, высказываемых по этому вопросу представителями разных лингвистических школ и направлений.

Предмет особого внимания языковедов должна составить социальная природа языка, которая «пронизывает весь язык, все его уровни и категории» (с. 36—37). Р. А. Будагов отмечает, что тезис о необходимости изучения языка как общественного явления на практике получает двойное, прямо противоположное воплощение, поскольку сам подход к интерпретации любого понятия как «социального» может быть марксистским или антимарксистским. У исследователя должна быть «целостная (монистическая) концепция языка. У советских лингвистов — это марксистская концепция, согласно которой язык есть „практическое, действительное сознание“. Все остальные функции языка, сколь бы многочисленными они ни были, должны рассматриваться именно с этой позиции» (с. 50). Р. А. Будагов приводит высказывания Н. В. Крушевского, И. И. Срезневского, А. А. Потебни и других видных отечественных филологов относительно реальных основ языка.

Марксистское понимание законов развития общества составляет основу исторической концепции языка. Последняя; обязательно предполагает интерес к истории, однако интерес к истории сам по себе еще не создает исторической концепции языка» (с. 58). О ней можно говорить лишь в том случае, когда достигнуто понимание сущности исторических изменений, их движущих факторов, когда вскрыты их причины. В данной связи Р. А. Будагов возвращает читателя к проблеме «скачка» в истории развития языков и проблеме стадийности исторического развития языков [ср. 1].

«Известно, что после дискуссии 1950 г., — пишет Р. А. Будагов, — на слово скачок был наложен строгий запрет в лингвистике. Если даже понятие „быстрого развития языка“ казалось подозрительным..., то скачок стал представляться чем-то кощунственным и, разумеется, вульгарно-социологическим» (с. 81). Совершенно очевидно, однако, что развитие языка характеризуется образованием принципиально новых способов выражения по сравнению с предшествующими

этапами что количественные изменения со временем переходят в качественные и что переход к новому качеству есть не что иное, как своеобразный скачок в той его форме, которая присуща именно языку. Не темпы исторических изменений, а опять-таки их сущность составляет основу понятия скачка в лингвистике. Р. А. Будагов иллюстрирует положение о переломах, своеобразных скачках в развитии языка примерами из истории разных литературных языков (русского, польского, французского). Думается, что убедительным подтверждением справедливости развиваемого Р. А. Будаговым тезиса может служить также сам процесс преобразования синтетического типа структуры, характеризующего латинский язык, в аналитический тип структуры, присущий сформировавшемуся на его основе романским языкам То, что в данном случае произошло качественные преобразования, т. е. именно такие сдвиги, которые можно назвать «скачком», особенно наглядно видно на примере исторического развития существительного и его грамматических показателей [2].

Понятие скачка в истории языка тесно связано с понятием стадийности исторического развития, на которое также «было наложено своеобразное табу после дискуссии 1950 г.» (с. 94—95, ссылка на М. И. Стеблина-Каменского). Р. А. Будагов обращает внимание на то, что отрицание стадийности развития языка (и мышления) ведет к нарушению классического закона диалектики о количестве и качестве (с. 95). «Стадия языка предполагает органическую, внутреннюю связь определенных категорий, прежде всего грамматических и лексических, обуславливающих функционирование языка. Язык может вступить в новую стадию, когда внутренние отношения между такими категориями достаточно отчетливо (качественно) изменились. Трудность проблемы — в выявлении и исследовании таких категорий, которые играют решающую роль в процессе развития и совершенствования каждого языка или группы языков. Критикуя подход Н. Я. Марра к стадийности, многие советские лингвисты совершенно неправомерно объявили и теорию стадийности ложной и даже мистической. Это означает выплеснуть из ванны вместе с водой и ребенка» (с. 94). И далее Р. А. Будагов пишет: «...сама по себе разработка лингвистической стадийности имеет большое научное значение для всех ученых, стоящих на позиции исторического материализма и убежденных в закономерностях развития языков народов мира. Подобные закономерности многообразны и сложны, но они остаются закономерностями. Что же касается стадийной теории, то она „не виновата“, когда ее интерпретируют вульгарно» (с. 97). Р. А. Будагов показывает теоретические трудности, возникающие при изучении проблемы языковой стадийности, и завершает разработку данной темы следующей рекомендацией: «Теория стадийности должна интересоваться не столько поисками универ-

сальных этапов развития всех языков, сколько поисками качественных различий между разными этапами истории одного языка или группы языков, так или иначе между собой связанных (генетически или типологически)» (с. 102).

К числу сложных и до конца не решенных проблем относится вопрос о соотношении понятий «мышление» и «мировоззрение». Р. А. Будагов пишет по этому поводу: «Одинаковый уровень развития мышления людей в определенном обществе и в определенную эпоху может легко сочетаться с разными видами мировоззрения тех же людей, особенно в обществе, разделенном на классы. Мышление — категория, прежде всего, историческая, мировоззрение — категория, прежде всего, социальная. Разумеется, обе категории связаны между собой, но они отнюдь не тождественны» (с. 89). Подвигая Р. А. Будаговым проблему, безусловно, нуждается в разработке как в общетеоретическом плане, так и на фактах истории конкретных народов и языков.

В одной из глав монографии Р. А. Будагов освещает проблему взаимодействия грамматики и реальности. Он подчеркивает, что «нити, тянущиеся от грамматической категории к реальности, оказываются весьма различной степени прочности» (с. 134). Это не может не учитываться при исследовании разных языков, в том числе в сравнительно-сопоставительном плане. В связи с этим возникает проблема, которую, по мнению автора, можно назвать «проблемой разного дробления, казалось бы, единой грамматической категории в разных языках» (с. 134). Р. А. Будагов анализирует известные факты истории французского и испанского языков (неравномерность темпов становления определенного и неопределенного артиклей; зависимость способа сформирования аграмматической группы в старофранцузском от одушевленности или неодушевленности существительного-определения и др.), вскрывает их связь с реальностью, останавливается на рассмотрении форм взаимодействия грамматики и лексики.

Касаясь так или иначе многочисленных грамматических категорий, Р. А. Будагов выбирает для специального, более подробного изучения грамматическую категорию времени, считая ее одной из наиболее важных для решения вопроса о взаимосвязях грамматики и реальности. Он показывает, каким образом «подвижность и многофункциональность грамматического времени сочетается со своеобразной подвижностью и многофункциональностью и времени физического» (с. 182), отмечает взаимодействие физического и грамматического времени, «нередко сложное и не прямое..., но... г л у б о к о е и п о с т о я н н о е» (с. 183). Автор подчеркивает необходимость «строго различать физическое (объективное) время и отношение людей разных эпох к этому времени, которое «может быть самым различным и самым неожиданным», но которое «не может

поколебать полной объективности физического времени» (с. 184).

Отдельная глава монографии посвящена рассмотрению вопросов, связанных с понятием слова. Р. А. Будагов приводит новые аргументы в защиту принципа самостоятельности слова, пишет о наблюдающемся иногда смешении понятий значения слова и его сочетаемости с другими словами, останавливается на проблеме основного значения слова. Его интересует роль контекста на разных этапах исторического развития языка. Он обращает внимание на необходимость «различать два, во многом несходных понятия контекста: контекст, как источник наших сведений о современной или прошлой эпохе и контекст, как лингвистическое понятие, находящееся во взаимодействии со значением слова, словосочетания и предложения» (с. 215).

В последней главе книги «Язык — реальность — язык» Р. А. Будагов определяет место советского языкознания в современной лингвистике, показывает «сложный, не всегда прямой, но всегда интересный и поучительный» (с. 219) путь, пройденный советским языкознанием с конца 20-х годов до наших дней. Автор отмечает, что «советские языковеды, несмотря на колебания у отдельных ученых, всегда стремились... защитить и дальше развить материалистическую концепцию языка» (с. 231). Он еще раз особо подчеркивает социальную и историческую природу языка, пишет о необходимости «различать полное равенство всех естественных языков по их природе и неодинаковый уровень их развития» (с. 240) в зависимости от социальных условий их существования, подчеркивает неразрывную связь проблемы развития языков «с проблемой их неуклонного исторического совершенствования» (с. 240).

Р. А. Будагов напоминает о том, что именно «советские лингвисты впервые разграничили два понятия — литературные языки и национальные литературные языки» (с. 243). Хотелось бы в этой связи отметить личный вклад Р. А. Будагова в разработку данного вопроса [3].

Р. А. Будагов завершает свое интересное, насыщенное богатым фактическим материалом, многоплановое исследование следующими словами: «Мы, филологи, ...должны отлично знать прошлое нашей науки — прошлое, богатое выдающимися достижениями. В единстве подлинно нового с лучшими достижениями прошлого — залог дальнейших успехов науки о языке, и, шире, — филологии в целом» (с. 261). Хотелось бы обратить внимание на важность этих слов.

Книга «Язык — реальность — язык» остро полемическая. Защищая приведенные выше положения, как и многие другие, на которых нет возможности остановиться в рамках сравнительно краткой рецензии, Р. А. Будагов полемизирует с теми филологами, историками и философами, которые строят свои суждения на иных методологических по-

зияциях, смешивают различные проблемы, увлекаются дилеммой «или—или». Р. А. Будагов призывает лингвистов «строго различать новое и модное». Новое — это все то, что действительно движет науку вперед. Модное — это все то, что механически и бездумно копирует другие науки и другие термины, не считаясь с тем, насколько подобное подражание полезно для самой науки о языке» (с. 259). В этой связи необходимо было бы, как нам кажется, одновременно призвать лингвистов к осторожности в отнесении того или иного направления исследовательской мысли к разряду нового или модного. В некоторых случаях, как это наглядно показано в рецензируемой книге (см. также [4]), эта грань бесспорна, в других же существует опасность, обозначив рождающееся направление как «модное», не увидеть в нем того нового, что не всегда лежит на поверхности, особенно на ранних стадиях разработки. Поскольку нет четких критериев оценки по шкале «новое — модное» и необходимо определенное время, нередко длительное, чтобы понять, действительно ли каждое вновь формирующееся направление движет науку вперед или является тормозом на пути ее дальнейшего развития, в этом случае трудно избежать некоторых субъективных оценок. Данную

сторону вопроса, возможно, следовало бы специально оговорить.

Книга Р. А. Будагова «Язык — реальность — язык» — это страстный призыв к чувству ответственности ученых-филологов за чистоту марксистско-ленинской методологии в исследованиях о языке, это пример глубочайшей эрудиции автора и владения богатым и разнообразным материалом из самых разных областей знания. В книге подняты важные теоретические проблемы, она открывает широкие перспективы новых научных исследований.

Репина Т. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977, с. 6—7.
2. Репина Т. А. Артикль и типологическая характеристика языка (на романском материале). — В кн.: Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. Л., 1981.
3. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
4. Катагощина Н. А. О языке лингвистических диссертаций. — ВЯ, 1981, № 6.

Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги.— М.: Наука, 1982. 345 с.

Издание таможенных книг, подготовленное С. И. Котковым и Н. С. Котковой, продолжает публикацию старинных деловых документов, написанных на южновеликорусской территории, начатую изданием отказных книг (см. [1]). Значение нового издания трудно переоценить: для историков русского языка — это значительное пополнение знаний и представлений о южновеликорусской диалектной области определенного периода ее исторического развития, об особенностях и чертах южновеликорусской речи, как она отразилась в письменности, наконец, о характере делового письменного русского языка данной эпохи.

Вместе с тем важно отметить и то обстоятельство, что, в отличие от отказных книг, содержание которых отражает отношения в сфере хозяйства, опубликованные теперь таможенные книги связаны со сферой торговли, а это является немаловажным фактом, если учесть, что последние относятся к XVII в., когда шло образование всероссийского рынка. В. И. Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно

растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» [2]. Этот процесс концентрирования, усиливающегося обмена, развития товарообращения широко отражается в таможенных книгах, в содержащихся в них сведениях о местах, откуда поступали товары на тот или иной рынок, о характере этих товаров, о названиях торговых людей и других участниках торговли по тем городам или селениям, откуда они приезжали или уроженцами которых были. Все эти сведения, которые можно почерпнуть из текстов таможенных книг, представляют значительный интерес для историков общественно-экономической жизни России, точнее — ее южновеликорусских областей, ибо делают наглядным процесс образования всероссийского рынка через концентрацию обширных региональных рынков. Так, по данным курских таможенных книг четко прослеживаются торговые связи Курска на обширных пространствах — от южных границ до Ярославля. Большого и от западных границ до Волги, на северные области Украины и на восток Белоруссии; в Курск приезжали торговать из Алексина, Арзамаса, Болхова, Боровска, Можайска, Москвы, Муромы, Нижнего Новгорода, Ростова, Серпухова, Скопина, Суздали, Тулы, Углича,